

ГЛАВА 30. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ГОРНОМУ БОГУ

От горы Чунву до горы Ивань путь лежал через два десятка изумрудных хребтов. Ветер лениво перебирал кроны, и бескрайнее море зелени под ногами колыхалось живыми волнами, в которых тонули золотые искры солнечного света.

В прозрачной, мерцающей на солнце реке промелькнула тень. Гладкая спина карася на мгновение показалась над водой и с тихим плеском скрылась в глубине.

Спустя мгновение рыба обернулась девушкой с тонкими, изящными чертами лица.

Закинув голову и подставив лицо ласковым лучам, она смотрела в бескрайнюю синеву. Её волосы, черные как тушь, рассыпались по плечам.

— В последнее время подношений всё меньше, — негромко пробормотала она.

Мимо по прибрежному камню проползал краб. Воинственно помахивая клешнями, он проворчал в ответ:

— Ты ведь не настоящая богиня воды. Раньше тебе удавалось дурить людей, вот они и несли дары. А теперь народ понял, что толку от твоих чар нет, вот и перестал задабривать.

— Люди... — вздохнула девушка. — Какое всё-таки непостоянное племя.

В памяти вспыхнули обрывки образов, она на миг помрачнела от затаенной грусти. Она тряхнула головой, прогоняя наваждение.

«Ладно, зачем мне вообще о нём вспоминать?» — подумала она.

Горный ветер, напоенный ароматом трав и хвои, бил в лицо. Над головой раскинулся чистый, омытый свежестью купол неба. Всё это стоило того, чтобы ценить жизнь.

Девушка наблюдала за тем, как медленно дрейфуют белоснежные облака, и чувствовала, как вольный ветер выметает из души всю тяжесть.

— Если выпадет шанс, я обязательно уберусь отсюда.

Она провела в этой деревне слишком много лет — здесь всё было знакомо до последнего камня. Больше всего на свете ей хотелось увидеть океан. Говорили, что там стоят золотые дворцы драконов, живут прекрасные русалки, и мир там куда шире и чудеснее, чем этот захолустный берег.

— Ты твердишь это сотню лет. Ты уже освоила искусство превращения, что же тебя держит? — Краб привалился к валуну, грея панцирь на солнце. — С твоими силами ты легко выживешь в море.

Девушка промолчала.

В этот момент с берега донёлся шум и крики. Вздвогнув, она мгновенно обернулась черным карасем и юркнула в прохладную воду. Рассыпались хрустальные брызги.

Из-за деревьев показались три пушистые фигуры.

Рыжий кот, Эр Пан, нервно подергивал хвостом. Озираясь по сторонам, он с быстротой молнии переключал съестное из мешочков хомяка и хаски в свою собственную сумку.

— Вот бывают же такие питомцы, просто слов нет, — вещал кот, старательно изображая праведное негодование. — Вроде договорились делить еду поровну, так нет же: некоторые грызуны делают вид, что они сама честность, а сами набивают защёчные мешки до отказа. Думают, никто не заметит. Смех, да и только!

— А бывают такие жирные коты, — раздался приглушенный голос из травы, — которые вечно корчат из себя святош и осуждают других, хотя на деле — те ещё прохвосты и интриганы.

Сирийский хомяк, Сань Ва, внезапно вынырнул из-за кочки и вцепился зубами в кончик длинного рыжего хвоста, которым кот как раз потянулся за очередным лакомством.

— А-а-а! Ты укусил меня за хвост! Кошунство!

— Глупый жиртрест, ты всерьёз думал, что я не замечу твоих вороватых лап?

Пока кот и хомяк катались по траве, вцепившись друг в друга, хаски по кличке Да Ша лишь тяжело вздохнул. В этой компании только он один обладал хоть каплею здравого смысла и зрелости.

Река манила прохладой, солнечные блики плясали на воде, а листва на берегу шелестела от легкого бриза.

Да Ша огляделся — никого. Почувствовав непреодолимый физиологический позыв, он хозяйски задрал лапу прямо над течением.

Карась в воде: «?..»

Что за странные, неотесанные твари ворвались в её владения?!

Рыба вильнула хвостом, стараясь поскорее убраться из зоны «поражения».

Рыжий кот моментально заметил движение. Забыв о драке, он ткнул лапой в сторону реки и заорал:

— Смотрите! Рыба!

Остальные зверята хищно прищурились. В мгновение ока вся троица бросилась в атаку.

Плеск!

Увернуться было невозможно. Карась только успел изумиться, как оказался в зубах у Эр Пана. Тут же подоспел Сань Ва, вцепившись когтями в скользкую чешую, но рыба отчаянно забилась, едва не выскользнув обратно в родную стихию.

Она уже видела спасительную воду совсем рядом, как вдруг Да Ша, проявив недюжинную ловкость, подпрыгнул и перехватил её в воздухе.

Карась: «.....»

Прижав рыбу лапой к земле, хаски с самым суровым и глубокомысленным видом изрёк:

— Разводите огонь.

— Как раз вовремя! — Кот выудил из складок шерсти пакетик. — Я стащил у хозяина кое-какие приправы. Как насчёт рыбки с острым перцем?

— Только кисло-острая! Это путь истинного гурмана! — Да Ша поднял лапу в знак протеста.

— Хочу с чесноком! — пискнул хомяк.

Эр Пан разочарованно покачал головой:

— Мы столько времени вместе, а вкусы так и не сошлись. Помню, когда я ещё бродяжничал, люди на стоянках готовили карасей с чили... это было божественно.

— Слишком острая пища вредна для нашего организма!

— Раньше, может, и была вредна, — отрезал кот. — А теперь мы — другие существа. Ты просто сам острое не любишь, признайся!

Хомяк, не обращая внимания на спор, потянулся к обмякшему карасю, уже приготовившемуся к смерти. Его острые когти сверкнули в свете солнца...

В этот миг рыба окуталась сиянием и превратилась в девушку.

— Да что вы творите?! — в ужасе вскрикнула она.

— А-а-а! Монстр! — взвыли зверята, отскакивая в разные стороны.

Изумрудная листва колыхалась на ветру, в лучах солнца плясали золотистые пылинки.

Зверь Хуань пробирался сквозь чащу, то и дело оглядываясь.

Посмотрев на человека, который провожал его домой, он почувствовал, как в груди разливается странное тепло, а на глаза наворачиваются слезы.

«Наверное, расставание неизбежно», — думал он. — «Мы прощаемся сейчас, и кто знает, встретимся ли когда-нибудь снова?»

Даос ободряюще улыбнулся ему:

— Ступай. Здесь твой настоящий дом.

В этой улыбке было не только прощание, но и нечто большее. С дерева бесшумно упал лист, коснувшись земли.

Цзян Чаншэн помахал рукой зверю на прощанье:

— Твой путь ещё долг, и тебе придётся научиться отпускать людей. Даже в те дни, когда нас не будет рядом, не переставай сиять. Стань путеводной звездой для самого себя.

Хуань сорвался с места. Ветер ерошил его густой мех, когда он бежал навстречу своей новой жизни.

Раньше он не понимал: если встречи людей и зверей всегда заканчиваются разлукой, то есть

ли в них смысл?

Но теперь, в это самое мгновение, его озарило.

Смысл в том, что эти мгновения были. Это были те редкие дни в его жизни, когда он отдавал своё сердце искренне и без остатка. В будущем его ждёт бесконечно долгая дорога в одиночестве, закаты и рассветы, которые он встретит один, и холодные ночи под бледным светом звезд.

Но сквозь пелену лет, если это возможно...

«Я надеюсь, что когда-нибудь мы встретимся снова».

Мо Ци стоял неподвижно, не проронив ни слова.

Выражение его лица было, мягко говоря, сложным.

Он наблюдал за Цзян Чаншэном, который вдохновенно «озвучивал» мысли Хуаня, сам едва не обливаясь слезами от избытка чувств, и за самим Хуанем, который, едва достигнув горы Ивань, припустил прочь так, что пятки сверкали, ни разу не оглянувшись.

После долгого молчания Мо Ци сухо заметил:

— Хватит разводить сырость. Он уже удрал.

Цзян Чаншэн, всё ещё пребывающий в плену собственного драматического монолога, поднял голову и огляделся:

— Да? Видимо, бедняга не вынес горечи расставания и решил сбежать, чтобы не показывать своих слёз. Какая чувствительная натура.

Мо Ци: «.....»

Да уж, «чувствительная». И воспоминаний о «прекрасно проведенном времени» у него, небось, полные штаны.

Цзян Чаншэн как-то подозрительно быстро забыл, как последние несколько дней ворчал, что Хуань мешает ему спать, и с самым свирепым видом грозился вышвырнуть его вон при первой возможности.

Выйдя из образа «великого утешителя», он посмотрел вдаль и нахмурился:

— Странно. Куда подевалась эта троица?

Вечно они разбегаются, стоит только выйти из дома. В следующий раз он обязательно устроит им сеанс воспитательной работы.

Пока он размышлял о наказании, до него донеслись чьи-то голоса, а в воздухе поплыл аппетитный аромат еды.

Обернувшись, он увидел группу крестьян. Они шли толпой, били в гонги и барабаны, будто праздновали что-то важное.

«Неужто сегодня какой-то фестиваль?» — призадумался Лавочник Цзян.

Любопытство взяло верх. Он подтолкнул Мо Ци локтем:

— Пошли, поглядим, что там за суета.

В лучах полуденного солнца лица крестьян светились искренним благоговением. На ветвях деревьев висели яркие ритуальные ленты, где-то хлопали петарды, а ритмичный стук барабанов оглашал окрестности.

Цзян Чаншэн мгновенно оказался в самой гуще толпы. Озираясь, он пристал к одному из мужчин:

— Мил человек, а что за повод для веселья?

Крестьянин сначала недовольно нахмурился, но, увидев перед собой статного господина в безупречно чистом даосском облачении, чьё лицо излучало покой и доброжелательность, мигом сменил гнев на милость. От незнакомца так и веяло благородством.

— Горного бога почитаем, — ответил он. — А ты чьих будешь? Не из наших мест, видать.

— Верно подметил. Я из соседней деревни, проездом здесь.

Крестьянин прищурился, в голосе промелькнуло сомнение:

— Если ты из соседних краев, то как можешь не знать о великом жертвоприношении?

«Непрост, — подумал Цзян Чаншэн. — Так просто не обведёшь».

Он принял самый непринужденный вид, сложил руки за спиной и ослепительно улыбнулся:

— Видите ли, я — странствующий даос. А это мой спутник и соратник, Мо Ци. Мы странствуем по свету, любимся горами и водами, и сегодня волею судеб оказались здесь.

Мо Ци: «.....»

Из ученика превратился в «соратника»? И как на это реагировать?

Взглянув на Мо Ци, крестьянин на миг опешил. Казалось, даже солнечный свет меркнет рядом с этим юношей. От него веяло такой мощью и величием, что невольно хотелось склониться в поклоне.

Решив, что такие статные господа не могут быть дурными людьми, крестьянин пояснил:

— Мы приносим жертвы Горному богу. Таков обычай. Все деревни в округе живут в мире и достатке лишь благодаря его защите.

Слушая это, Цзян Чаншэн невольно вспомнил жителей деревни Куньшуй, которые когда-то приняли его за небесного небожителя.

«Интересно, это опять проделки какого-нибудь местного пройдохи или нечто большее?»

Тем временем люди впереди зажимали в руках искусно вырезанные кусочки нефрита с узорами. Совершив поклон, они закапывали отборный рис в землю.

По их словам, чтобы Горный бог услышал просьбу, нужно подходить с чистым сердцем и отдавать пищу земле. Если просишь Бога Воды — бросай дары в реку. А если хочешь обратиться к Небесному Императору, нужно сжечь подношение, назвав его имя. Когда дым поднимется к облакам, божество примет дар.

Глядя на эту мирную и торжественную церемонию, Цзян Чаншэн почувствовал азарт. Он достал из своего хранилища рисовое пирожное и, подражая крестьянам, совершил поклон.

Он-то думал, что это просто красивая традиция или суеверие.

Однако стоило ему закопать подношение, как в голове всплыло системное сообщение:

[Число встреченных клиентов: +1]

Цзян Чаншэн замер. Значит, это не пустые обряды? Горный бог действительно существует и считается «клиентом»?

Охваченный любопытством, он выудил из хранилища целую гору рисовых сладостей и принялся закапывать их одну за другой. Счетчик посетителей неумолимо защелкал.

[Число встреченных клиентов: +3]

[Число встреченных клиентов: +5]

Цифры росли, пока не замерли на отметке в двадцать с лишним.

«Неужели в этих горах обитает больше двадцати божеств?» — изумился он.

Вспомнив наставления крестьян, Лавочник Цзян достал изысканную духовную пищу и поднес к ней пламя.

Раз уж это работает, почему бы не замахнуться на самую вершину?

Из всех небожителей он почти никого не знал лично, так почему бы не выбрать того, кто занимает самый высокий пост?

Сложив ладони и сосредоточившись, Цзян Чаншэн мысленно призвал Нефритового Императора. Струйки тонкого, ароматного дыма медленно потянулись вверх, исчезая в небесной вышине...

<http://bllate.org/book/17549/1714013>